

В сегодняшних местных новостях сообщили, что завтра, возможно, впервые почти за сто лет, в канун Нового года пойдёт снег.

Сжимая в объятиях два букета, Янь Хэцин бежал от выхода из метро к подъезду сквозь усиливающийся снегопад.

Перед входом в здание стоял поперёк проезда чёрный “Мерседес”. На лобовом стекле и крыше уже лежал тонкий слой снега.

Выражение лица Янь Хэцина не изменилось. Он легко стряхнул снег с плеч и не торопясь пошёл вверх по лестнице.

Он ступал так тихо, что даже датчик света не сработал.

В тусклом свете на площадке третьего этажа виднелась тускло вспыхивающая красная точка и стоял густой, насыщенный запах табака.

Лу Мучи за этот день выкурил столько сигарет, сколько обычно курил за полгода.

Даже без света он мог рассмотреть каждую ресничку на лице юноши.

Он вынул сигарету изо рта, сдерживая раздражение, сказал: “Я ждал тебя весь день”.

Его голос зажёг свет.

Тёплое оранжевое освещение тут же озарило фигуру Янь Хэцина. Он держал в руках букеты, на его волосах ещё оставалась стылость зимней ночи. Он всё так же спокойно поднимался по лестнице:

“Это твои проблемы”.

Лу Мучи резко вскочил, зрачки резко сузились, он едва не раздавил сигарету в пальцах, тут же бросил её и сдёрнул с перил лестницы пакет, с силой взмахнул рукой.

Розовые купюры вылетели из пакета, как снежинки, закружились в воздухе и осыпались на лестничной площадке.

“Я вырвал твои шипы посреди ночи! Тебе всё ещё что-то не нравится?!”

Он стиснул зубы так, что те скрипели, не отрывая взгляда от цветов в руках Янь Хэцина.

Он действительно был в ярости.

Янь Хэцин не отвечал на звонки. Лу Мучи боялся уйти и пропустить его, поэтому провёл здесь весь день, ничего не ел, и больше всего он боялся...

Боялся, что с Янь Хэцином что-то случилось.

В итоге, он волновался весь день, а Янь Хэцин вернулся с двумя букетами цветов, и черт знает от кого они!

От Фэн Чжисяня? Или ещё от кого-то?!

Сердце Лу Мучи колотилось, как безумное, глаза полыхали, будто в них засунули бочки с порохом. Он только и мечтал, чтобы эти цветы сгорели к чертям.

На верхней ступени лежали несколько купюр. Янь Хэцин остановился. Лицо его оставалось спокойным: “После операции остаются следы и нужно время, чтобы они зажили. У меня нет сверхспособностей, чтобы через день притвориться, будто всё в порядке”.

Он поднял глаза и встретился взглядом с ошарашенным Лу Мучи:

“Можешь уступить дорогу? Я работал весь день, очень устал”.

При тусклом свете его лицо и правда выглядело уставшим.

Он был на работе, а не на свидании... Гнев Лу Мучи мгновенно испарился. Он облизал уголок губ и, чуть наклонившись в сторону, уступил дорогу.

Янь Хэцин осторожно обошёл рассыпанные купюры, ни разу не взглянув на Лу Мучи. Поднялся по последним ступеням, достал ключ, открыл дверь и уже собирался зайти внутрь, и захлопнуть за собой.

Но Лу Мучи успел. В последний момент шагнул вперёд и вставил руку в проём. Не давая Янь Хэцину сказать ни слова, он заговорил, взгляд блестел: “Я не войду. Скажу только одно. Я понял, что ты хочешь сказать”, — глаза Лу Мучи горели: “Я дам тебе время восстановиться. Но ты должен отвечать на мои звонки. Я...”

...буду волноваться — эти три слова вертелись у него на языке, но он так и не смог их произнести.

В тот же миг Янь Хэцин стал закрывать дверь.

Прежде чем она захлопнулась, изнутри донёлся его холодный голос: “Уходя, забери за собой мусор”.

Бах.

Дверь закрылась.

Лу Мучи машинально посмотрел на окурки, раскиданные по полу. Достал телефон, чтобы позвать охрану на уборку, но в следующую секунду уставился на плотно закрытую дверь...

Лицо Лу Мучи несколько раз менялось в выражении, но в итоге он всё-таки присел и начал собирать.

Пособирав немного, он сжал в руке несколько купюр, и у него сам собой дёрнулся глаз.

Тот "мусор", о котором говорил Янь Хэцин, включает в себя и эти деньги?..

*

Янь Хэцин, войдя в квартиру, переобулся, с цветами прошёл на кухню. Закрыв слив, он наполнил тазик водой, снял с цветов обёрточную газету и аккуратно опустил их в воду замачиваться.

После этого занялся ужином.

Вода закипела. Янь Хэцин бросил в неё десять пельменей и, пока они варились, мысленно прокрутил в голове поведение Лу Мучи.

Если отбросить его эмоциональные всплески, в целом он вёл себя довольно расслабленно. Плюс Сюй Цяоин неожиданно взяла отгул. Янь Хэцин опустил голову, глядя на пельмени, которые всплывали и пухли в кипящей воде. Он был почти уверен: Лу Мучи где-то прячет Сюй Цяоин.

Спустя несколько минут Янь Хэцин выловил пельмени, приготовил соус из чеснока с уксусом, отнёс еду в гостиную и сел ужинать.

Пальцы у него от холода окоченели. Он взглянул на батарею и, подумав, всё-таки включил “маленькое солнце” — переносной обогреватель. Поставил его у ног и быстро доел.

После еды он убрался на кухне. Затем пошёл в ванную проверить как сохнет одежда. На ощупь ткань всё ещё влажная. Без батареи к утру она точно не высохнет.

Он снял одежду, вернулся в гостиную, включил отопление и развесил вещи на специальную подставку у радиатора.

Время приближалось к девяти. Янь Хэцин сел читать. Читал почти до полуночи. Шея сильно занемела, поэтому он не пошёл принимать душ, а просто быстро умылся, лёг и выключил свет.

Стало так тихо, что можно было расслышать, как падает снег.

В этот Новый год должен пойти сильный снег...

*

На следующий день в шесть утра Янь Хэцин откинул одеяло и встал. Сначала он направился на кухню проверить цветы. Гладиолусы и хризантемы, простояв в воде всю ночь, распустились ещё лучше, несколько бутонов начали раскрываться.

Он успокоился, достал несколько листов бумаги и сам завернул два букета.

Вышло просто. Как и говорил хозяин цветочного магазина: гладиолусы разных цветов, без должного сочетания, смотрятся не так эффектно в композиции.

Но это неважно.

Закончив с цветами, он быстро сварил себе миску лапши, поел и встал на весы.

Всё те же 59.5 кг.

Вес, похоже, застрял на этом значении. Поднять его выше очень трудно.

Янь Хэцин слегка нахмурился, затем пошёл принимать душ.

После душа он впервые воспользовался феном, оставленным хозяином квартиры. Он был ужасно шумным. Янь Хэцин не умел делать укладку, просто высушил волосы, чтобы они стали мягкими, затем маленькими ножницами немного подровнял чёлку.

Батарея работала всю ночь. В комнате стало тепло, как летом. Одежда и брюки, сушившиеся на обогревателе, тоже стали приятно тёплыми. Янь Хэцин переоделся в новый свитер и штаны, а сверху надел новое пальто.

Он аккуратно завязал шарф, выглянул в окно. Снега уже не было, и потому он вышел без зонта, прижимая к груди два букета.

Во всём подъезде было чисто и опрятно.

Выйдя из дома, он увидел, что улицы покрыты чистейшим белым снегом, ещё ни один человек не ступал по нему. Лишь за ним оставалась цепочка следов.

На этот раз он не пошёл к метро. Перешёл дорогу и направился к автобусной остановке возле университета.

Автобусная остановка у Пекинского университета — одна из крупных, почти все маршруты проходят через неё. С раннего утра она уже была забита людьми, спешащими закупиться к празднику.

Автобусы подъезжали один за другим.

Спустя полчаса среди переполненных автобусов наконец подъехал почти пустой. В нём был только водитель.

Это был маршрут до кладбища на окраине. Водитель символически остановился и открыл двери. Никто не сдвинулся с места. Только Янь Хэцин поднялся в автобус.

Приложил карту, оплатив проезд, прошёл в самый конец и сел у окна.

Двери закрылись. Автобус с Янь Хэцином отправился в путь.

До конечной ехать три часа. Он вставил наушники, но не включил музыку. Обнял букеты и молча смотрел в окно на ускользящий мимо зимний город.

*

В это же время Линь Фэнчжи с взъерошенными волосами спустился вниз.

Он был в пижаме, зашёл на кухню, набрал в стакан немного льда, потом налил полный бокал газировки и, запрокинув голову, стал жадно пить.

Мама Линь вошла и, увидев это, с упрёком сказала: “Меньше пей газировку, это вредно для здоровья”.

Глаза у Линь Фэнчжи ещё не открылись. Прошлой ночью его выбросили из здания охранники компании Лу. Подарок к Новому году он так и не вручил Лу Линю, из-за чего злился весь вечер и только под утро смог уснуть.

Он пробурчал: “Я просто хочу выпить газировки”.

Поставив стакан, в котором остались только кубики льда, он снова собрался идти спать. Мама Линь окликнула его сзади: “Что хочешь на ужин в канун Нового года? Только не вздумай опять заказывать королевского краба. Ты его ешь каждый день — организму вредно!”

В этот момент в кухню вошёл Линь Фэни. Он тоже был в пижаме, скрестил руки на груди и облокотился о дверной косяк, на губах играла улыбка: “Давайте сделаем простую курицу, отварную. Я уже давно такую не ел”.

“Я ненавижу курицу!” — зевая, отозвался Линь Фэнчжи.

“Используем цыплёнка подсолнуховой породы”, — Линь Фэни подошёл ближе и потрепал его по волосам, улыбаясь во весь рот: “В прошлый раз, когда мы ели вне дома, ты сам говорил, что подсолнуховая курица вкусная. Я вчера заказал пару штук”.

Линь Фэнчжи лениво приподнял веки, в глазах всё ещё сквозила сонливость: “Да? Не помню уже”.

В этот момент слышались ещё шаги. Это был старший сын семьи — Линь Фэнсянь. Он в последние недели был в командировке и только глубокой ночью вернулся домой.

На нём была домашняя одежда и очки в серебристой оправе. У него был мягкий, спокойный характер. Он был старше Линь Фэни на два года, и незнакомые с семьёй люди часто ошибочно считали его средним братом.

“Старший брат!” — Линь Фэнчжи моментально проснулся, подбежал и слегка обнял Линь Фэнсяня: “Ты наконец-то вернулся! Я так скучал!”

Линь Фэнсянь похлопал его по спине, с улыбкой отстранился: “Ты по мне скучал или по своему подарку?”

Линь Фэни тут же вставил: “Конечно, по подарку”.

Линь Фэнчжи широко улыбнулся: “И по тебе, и по подарку! Где он? Я сейчас сбегаю заберу!”

“В чемодане. Вечером получишь”.

Мама Линь, глядя на троих сыновей, дружно болтающих и смеющихся, не могла скрыть своей радости, глаза светились от улыбки.

Вдруг Линь Фэнсянь сменил тему: “Фэнчжи, ты ведь нашёл своего родного брата. Почему бы тебе не пригласить его сегодня к нам на праздничный ужин?”

Мама Линь сразу же подхватила: “Да-да! Я как раз хотела сказать, но отвлеклась и забыла. Точно, Чжичжи, позвони Хэцину, пригласи его к нам на ужин”.

Линь Фэнчжи вдруг замолчал.

В прошлый раз, когда Янь Хэцин приходил в дом Линь, всем он очень понравился...

Но сейчас он всё ещё злится.

Янь Хэцин даже не помог ему узнать марку шампуня! Он уже кучу времени потратил на поиски — и всё безуспешно.

Когда Линь Фэни услышал, что собираются пригласить Янь Хэцина, он сначала посмотрел на Линь Фэнчжи, увидел, как тот надулся от злости, и сразу сказал: “У него есть своя семья, какой смысл звать его на новогодний ужин к нам?”

Линь Фэнчжи уже собирался объяснить, что Янь Хэцин порвал отношения со своими приёмными родителями, но слова так и не сорвались с губ. Он передумал.

Всё-таки Новый год — праздник семейный. А вдруг Янь Хэцин всё же вернулся к ним на этот вечер?..

Линь Фэнсянь об этом не подумал и с сожалением сказал: “Папа говорил, он отлично играет в шахматы. Я как раз хотел попросить его сыграть со мной пару партий”.

Мама Линь предложила другой вариант: “Тогда пригласим его второго числа. Это как раз день, когда навещают родственников и друзей”.

Линь Фэни продолжал пристально смотреть на Линь Фэнчжи. Тот немного помолчал, затем пробурчал: “Посмотрим”.

Не желая больше обсуждать эту тему, он быстро зашагал прочь.

Когда Линь Фэнчжи поднялся наверх, Линь Фэни с недовольством нахмурился: “Брат, если хочешь поболтать — иди поговори с невесткой!”

Под “невесткой” он имел в виду невесту Линь Фэнсяня. Они должны пожениться в следующем году.

Линь Фэнсянь уловил в поведении брата что-то странное и с удивлением спросил: “У Фэнчжи плохие отношения с родным братом? Папа ведь говорил, что тот парень очень хороший”.

“Дело не в Хэцине”, — со вздохом сказала мама Линь: “Это у твоего брата внутри барьер. Нужно дать ему ещё немного времени, чтобы он привык”.

*

Через три часа автобус прибыл на конечную.

Янь Хэцин вышел. В канун праздника в округе никого не было, и стало ещё холоднее. Он пошёл вперёд. Около двадцати минут быстрым шагом и добрался до кладбища.

С тех пор как он стал зарабатывать сам, он каждый Новый год приходил сюда.

Супруги Янь, наоборот, только радовались, если он уходил на праздник. Лишь бы не мешал им пировать и наслаждаться жизнью. Куда он уходит, их совершенно не волновало.

Всего 208 ступеней вверх — и он у могилы отца.

Тогда, в пожаре от дома семьи Янь не осталось ничего. Эти два участка под захоронение помогла оформить администрация района, но поставить рядом могилы не удалось.

На одинокой плите были лишь имя, даты рождения и смерти — ни фотографии, ни украшений.

Янь Хэцин поставил букет хризантем и с лёгкой улыбкой сказал:

“Папа, с Новым годом”.

Затем он прошёл ещё 426 шагов вперёд, повернул налево и поднялся по 56 ступеням. Там была могила матери.

Он аккуратно положил гладиолусы, присел на корточки и медленно провёл пальцами по иероглифам “Янь Цюшуан”.

“Мам, я пришёл”.

В глубине глаз — бездонной и тёмной — колыхалась лёгкая влага. Он изогнул глаза в улыбке: “С Новым годом”.

В голове всплывал смутный облик женщины, ужасающее пламя вокруг, и только её объятия были по-настоящему тёплыми и безопасными.

Янь Хэцин вдруг разговорился: заговорил об экзаменах, о смене факультета, о том, как с утра съел большую миску лапши.

Все — до мельчайших деталей — он рассказал стоящему перед ним надгробию.

Ветер усиливался, всё кладбище погрузилось в мёртвую тишину. Сегодня последний автобус был около трёх часов. Только ближе к этому времени Янь Хэцин наконец остановился.

Он наклонился, закрыл глаза и поцеловал надгробную плиту: “Мама, спи спокойно. В следующий раз снова навещу тебя. Не волнуйся за меня. Сейчас я живу хорошо”.

Он опустил ресницы.

Вчера Линь Фэнчжи, как и в оригинальном сюжете, ворвался в штаб-квартиру корпорации Лу.

Янь Хэцин мог предугадать исход.

Подарок вручить не удалось, сплошное разочарование.

Но его младший брат, вечно ведомый любовью, так и не научился на ошибках.

Слишком уж привык к тому, что его все балуют. Слишком уж привольно жил, без забот и тревог.

В голове у него только Лу Линь.

Прошло долгое время.

Он тихо заговорил: “С братом тоже всё хорошо. Не беспокойся”.

*

Ежегодный семейный ужин семьи Лу. Вся родня окружила Лу Линя.

Лу Хань сидел с кислым лицом. Это место должно было быть его! Он отложил палочки и повернулся: “Младший Чи...”

Но голос оборвался. Лу Мучи то и дело посматривал на часы и рассеянно отозвался: “А?”

Лу Хань недовольно нахмурился: “Чего ты всё на часы смотришь? Предупреждаю, сегодня сбежать не получится. Вечером ты договорился играть в карты с дядей Ци, его дочка тоже будет”.

Лу Мучи собирался отмечать Новый год с Суй Цяоин в их доме: “Я не...”

“Ты что, хочешь быть таким же непослушным, как твой дядя?” — вмешался Лу Чанчэн. Его лицо потемнело: “Я уже видел ту девушку из семьи Ци: красивая, с хорошим образованием, умная и воспитанная. Из всех родовитых семей только она тебе подходит. Все твои планы на вечер отменяются!”

Лу Чанчэн заговорил и как бы Лу Мучи ни возмущался, не посмел возразить. Раздражённо отложив руку в сторону, он буркнул: “Понял”.

Только тогда Лу Чанчэн остался доволен, но, переведя взгляд на Лу Линя, стоящего неподалёку, снова вскипел, давление подскочило.

Даже новогодний ужин не захотел с ним поесть!

Невоспитанный сын!

Лу Линь, закончив светскую часть вечера, один сел за руль и выехал за город.

Проехав немного, он вдруг остановился у обочины. До ужина оставалось совсем чуть-чуть, центр города был непривычно пуст.

Он закурил.

Сигаретный дым вился в воздухе, в его чёрных, бездонных глазах невозможно было прочесть ни одной эмоции.

Время шло, фонари вдоль дороги один за другим загорались.

Выкурив сигарету, Лу Линь опустил стекло, чтобы выветрился запах. Затем снова завёл машину и развернулся, выбрав совсем другое направление.

*

Янь Хэцин вышел из автобуса, водитель сразу же закрыл двери и поспешно уехал домой, к

праздничному столу.

Ещё утром шумная улица теперь была так тиха, что шаги Янь Хэцина звучали особенно отчётливо.

Он дошёл до жилого комплекса. В сторожке горел свет, но и охранник ушёл встречать Новый год с семьёй, внутри была только включённая лампа.

Многоэтажки тянулись рядами, но окна в них светились лишь изредка.

На тротуаре лежал остаточный снег, и каждый шаг отдавался хрустом.

Янь Хэцин шёл очень медленно.

Во-первых, дорога была скользкой. Во-вторых, уличные фонари почти не светили, словно и не было их вовсе.

За поворотом начинался подъезд, в котором он жил. Янь Хэцин осторожно смотрел себе под ноги, когда вдруг фары машины осветили дорогу. Тёплый оранжевый свет прорезал темноту и лёг точно к его ногам, вырисовывая ясную дорожку.

Янь Хэцин остановился и взглянул в сторону.

Из машины вышел человек. Силуэт был неясен.

А затем этот человек окликнул его: "Янь Хэцин".

<http://bllate.org/book/15726/1407459>